

Душевное пение

Основные понятия
и упражнения
для освоения

Александр Александрович Шевцов
Душевное пение.
Основные понятия и
упражнения для освоения

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67897757

Душевное пение. Основные понятия и упражнения для освоения.

Учебное пособие / На основе авторских материалов А. Шевцова и А.

Андреева; Роща; Иваново; 2022

ISBN 978-5-604115-90-9

Аннотация

В этом учебном пособии собраны материалы из бесед и глав опубликованных книг Алексея Андреева и Александра Шевцова, в которых раскрываются понятия древнего искусства Душевного пения.

Содержание

Введение	6
О душевном пении	7
Духовное пение старой Руси. Старики[1]	8
Песня имени[2]	16
О Духовном и Душевном пении	22
О Духовном пении	23
О задаче Духовного пения	24
О шагах освоения Духовного пения	25
Понятия и упражнения для освоения душевного пения	27
1. Умение слушать и слышать	27
Умение слушать и слышать	28
Конец ознакомительного фрагмента.	32

**На основе авторских
материалов А.**

Шевцова и А. Андреева

**Душевное пение. Основные
понятия и упражнения для
освоения. Учебное пособие**

Составитель и автор комментариев М. Смирнова.

© Александр Шевцов, 2018–2022.

© М. Смирнова, комментарии, 2018–2022.

© Издательство «Роща», 2022.

Издание предназначено к прочтению лицам, старше 12 лет.

izdatelstvo.roscha@yandex.ru
roscha.store

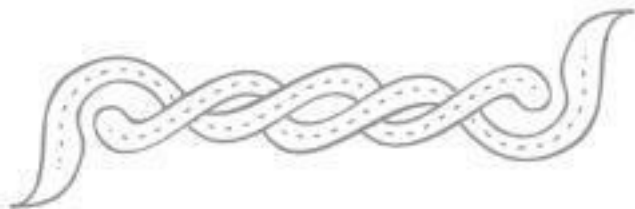
Введение

Это учебное пособие создано в помощь всем, кто хочет понять и освоить искусство Духовного пения.

Владимирское Духовное пение – традиция, которой владели мазыки. Они называли своё пение также Душевым, Сердечным, Совместным.

В этом пособии собраны авторские материалы и главы из книг А. Шевцова (также известного под псевдонимами А. Андреев и Иван Скоморох), раскрывающие ряд основных понятий Духовного пения: звучание, умение слышать и слушать, традиционное видение тонкого состава человека, народное и душевное пение, гудошничанье, позволение, совместность в пении и другие.

*М. Смирнова,
составитель*

О душевном пении

Основные условия и шаги освоения духовного пения

Исследование Владимирского Духовного пения ведётся на занятиях А. А. Шевцова и семинарах НП Возрождения Народной Культуры «Малая Медведица». В основе обучения лежат знания, которые были получены Александром Шевцовым (Алексеем Андреевым) у стариков-мазыков.

Ниже мы приводим часть главы «Духовное пение старой Руси. Старики» из книги Алексея Андреева «Очерки русской этнопсихологии». В ней автор рассказывает о своём знакомстве с этим древним искусством.

Духовное пение старой Руси. Старики¹

Все время, пока я был у офеней, я все хотел найти то, на что настроился, и в результате просмотрел многое из того, что мне предлагали. Вот так произошло и с их пением. Поют себе старички и поют. А у меня с детства вместо слуха лишь страх петь. А когда эти проблемы снялись, было уже поздно. И вот теперь нам приходится все восстанавливать по крохам. Мы сумели разыскать многие из их песен. Впрочем, в их репертуаре было не так уж много особенных песен. Они пели любые песни, которые пелись. Гораздо специфичнее была их манера исполнения. Она и есть главная тема этой статьи.

Свое пение мои старички называли Духовным. Я долго не обращал внимания на то, как они пели. Для меня это был своего рода фольклорный довесок к «настоящему». Но однажды летом 1989 года в одной деревушке Ковровского района мне удалось собрать вместе сразу троих, причем, одну бабушку, тетю Шуру, я приволок аж из Савинского района. В какой-то момент они решили спеть на три голоса, «как раньше», но сначала как бы распевались. Благодаря этому я впервые имел возможность не только услышать их «духовное пе-

¹ Отрывок из книги А. Андреева «Очерки русской этнопсихологии. Мир Тропы». – Издательство «Роша», 2017. С. 25

ние», но и увидеть саму систему входа в состояние такого пения. Они запели какую – то народную свадебную песню, которую я пока еще больше нигде не встречал. Я внутренне заскучал и приготовился пережить время, пока снова не представится возможность задавать вопросы об офенском прошлом. Начало сразу же не заладилось, наверное, потому что они давно не пели вместе.

На мой взгляд, им надо было просто поспеваться, но Поханя, как они звали хозяина, сказал тете Шуре: «Позволение, Егоровна, позволение...» Я ничего не понял, но она кивнула и приступила еще раз. Очевидно, у них опять что-то не задалось, потому что Поханя опять остановился и сказал своей жене: «Ну-ка, Катя, побеседуй с ней. Не в позволеньи идет...» Бабки тут же как-то перестроились, будто вырезали свой собственный мирок, замкнулись друг на друга, и я услышал после нескольких незначительных фраз о самочувствии, как Тетя Шура рассказывает о том, как к ней не так давно приезжали с радио и записывали на магнитофон ее пение. Сумели уговорить, хоть она и отказывалась. А она после них разнервничалась, потому что это, может быть, грех. Я не смог тогда понять, почему она считала то пение грехом, а это нет, но она рассказала, что чуть ли не дала себе слово вообще не петь больше. «Так чуть ли или дала?» – тут же спросила ее тетя Катя. Тетя Шура засмушалась, а потом призналась, что решила больше не петь совсем, как только Поханя с тетей Катей умрут. Все засмеялись. Ей было около 85 лет

в это время, и я понял по их смеху, что хозяйева старше.

Мы попили чайку, и они потихоньку снова приступили к песне. Но в этот раз не заладилось у тети Кати. С ней, правда, беседовать не пришлось, потому что, как только Поханя взглянул на нее своим суровым взглядом, она тут же махнула рукой и объяснила: «Не помню, двор, что ли, оставила открытым?.. Люське зайти. Поди скоро пригонются. Сижу, саму свербит вместо пенья». Очевидно, скоро должны были пригнать с выпаса деревенское стадо, и тетя Катя, не желая отвлекаться во время пения, открыла ворота двора и дверь хлева, чтобы ее единственная коза Люська могла зайти в стойло, да сама в суете и забыла, сделала ли это. «И чё, так и будешь свербиться?» – только и сказал ей на это дед. «Вот ведь дура какая стала!» – пожаловалась она тете Шуре и убежала проверять свои ворота.

После этого песня пошла лучше, но Поханя все-таки перебил ее еще раз, спросив вдруг старушек с хитрым прищуром: «Чего это вы, девки, важные, молодость, что ли, вспомнили?!» – и подмигнул им в мою сторону. Они засмеялись: «Ну как же! Получше выглядеть надо». «Смотрите у меня», – только и сказал он им и снова запел. К тому времени я уже неплохо был знаком с их системой очищения сознания, которую они называли Крещением, и, с удовольствием наблюдая ее в практике, подумал, что неподготовленный человек, даже профессионал, пожалуй, ничего бы не заметил, настолько это все бытовое, неброское...

Устранив все помехи, старички все-таки распелись, и маленькое чудо, за которым я приехал, все же произошло для меня. Впервые за шесть лет я услышал, как они поют. Их голоса вдруг начали сливаться, причем, вначале слились каким-то странным образом голоса тети Кати и Похани, хотя я не могу объяснить, что значит для меня «слились». Но другого слова я найти не могу. Тети Шурин же голос, хоть и красивый, но несколько дисгармонировал на фоне их совместного звучания. Потом вдруг что-то произошло, и она словно впрыгнула внутрь их голоса и слилась с ними. Какое-то время их совместное звучание осознавалось мною как слившиеся голоса, но произошел еще один переход, и общее звучание-голос словно отделилось от них и зазвучало само по себе, будто над столом, вокруг которого они сидели, появилось самостоятельно поющее пространство!..

У меня в теле началась мелкая дрожь, словно я трудился до изнеможения на голодный желудок, в глазах начало плыть. Изменились очертания избы, лица у стариков начали меняться, становились то очень молодыми, то жуткими, то просто другими. Я помню, что ко мне из кромешной тьмы пришли несколько раз очень важные для меня воспоминания, но это было почему-то страшно и больно, и я вдруг заметил, что боюсь глядеть на певцов. Я сумел выдержать это состояние только потому, что уже испытывал подобное раньше, при учебе у других стариков.

Песня закончилась. Они еще сидели какое-то время мол-

ча, улыбаясь, словно чего-то переживая. И действительно, через некоторое время то ли мое состояние, то ли состояние пространства стало возвращаться к обычному: сначала вернулись на место обои на стенах, потом исчезли, точно растаяли у меня на глазах мои странные воспоминания, и я не смог их удержать... А Поханя сказал:

– Вот, совместились... – и велел подавать чаю.

– Ну, вы дали! – не выдержал я.

Они засмеялись, и тетя Катя объяснила мне, накрывая на стол:

– Это еще не песня. Это совместное пение... храмовое! А мы тебе просто споем, на голоса.

На вопрос, почему она это пение назвала храмовым, она ответила:

– В Храме так петь надо. Некоторые песни...

Я тут же попытался выяснить, в каком храме:

– В христианском? В церкви?

– Не знаю... – с недоумением ответила тетя Катя. В каком же еще? Мы иногда в церкви так пели... Где ж еще?.. Иногда на гулянье...

А Поханя добавил, засмеявшись:

– Это они так баловали девками. Соберутся так-то компанией девок и пойдут на службу в церковь. Там как запоют, они и подхватят, да переведут на себя! Все и поплывет в храме, головы кружатся! Мы специально парнями, кто понимал, смотреть ходили... Никто не понимает, чего они делают, а

они довольны. Идут, хахалются! Их любили, просили петь...

– Нас все время просили, – подтвердила тетя Катя. – И батюшке нравилось. Мы как придем в церкву, он сам подзовет Лушку, чаще всех Лушку звал, помнишь, Шур?

– Совсем не помню, – ответила тетя Шура. – Разве Лушку? Полюшку, поди?

– Да Лушку, Лушку! И меня, было, подзывал, и прямо прикажет: чтобы пели сегодня! Мы и поем, нам чего – молодые девчонки! Храм иной раз пропадет...

– Как пропадет? – мне почему-то вспомнилась тьма, из которой приходили стершиеся воспоминания, и я в этот момент осознал, что не скажи тетя Катя слов про пропадающий храм, я бы и тьму эту никогда больше не вспомнил.

– Так... – странно ответила она. – Плывет, плывет все... стены исчезнут потом... как тьма наступит... Люди из глаз исчезать начинают, у батюшки лики пойдут... Некоторые падали, другие молятся про себя, ничего не видят... в молитве...

– Да, да! – подхватила вдруг тетя Шура, – батюшка потом все про Страшный суд рассказывал!

– Вот ты от того и петь боишься, – неожиданно сказал ей Поханя, а тетя Катя закончила: – А нам всё смешно! Девчонки!.. – и без перехода начала новую песню.

Сначала они опять слились, «совместились», как это у них называлось, и я ожидал, что все повторится. Но после того

как появилось совместное звучание, их голоса начали проявляться внутри общего звучания и «порыскивать», выводя свои собственные мелодии. Общее звучание как бы обнимало отдельные голоса, они текли в нем, как сплетающиеся струи внутри общего потока. «Соплетаясь», голоса создавали удивительно сильный эмоциональный настрой. Это была какая-то рекрутская песня. Меня захватило настолько, что к глазам подкатили слезы. Я крепился, сколько мог, а потом разрыдался. Я очень хотел сдержаться, мне было стыдно, но в результате рыдания стали по-детски безудержными. Старички не прервали пения, только тетя Шура села рядом со мной и гладила меня по голове... Я долго не мог вернуться в норму и, хоть и знал, что мне лучше всего было бы пройти, условно говоря, сеанс Крещения и убрать причины моих слез, напрочь отказался от помощи. Уже значительно позже я понял, что это было связано с теми провалами тьмы, из которых приходили воспоминания во время первой песни, и эти старички действительно не смогли бы мне помочь. Тех же, кто смог бы, уже не было... С какого – то мгновения ученичество заканчивается, и ты все должен будешь делать сам и нести за себя полную ответственность!.. Никто из них даже не попытался настоять на своей помощи.

Вот так я впервые познакомился с древним русским Духовным пением, которое, если верить рассказам стариков, досталось офеням от скоморохов, а те, возможно, хранили его еще с того времени, когда по всей Руси Великой стоя-

ли еще другие Храмы!.. Около двух лет расспрашивал я потом о технических особенностях этого пения, не надеясь когда-нибудь запеть самому. Но это следующий рассказ.

Душевное пение старики называли ещё «душевым», «сердечным» или «совместным».

В каждом из этих названий отражена одна из особенностей этого пения, на которую обращается внимание.

Ниже мы приводим часть главы «Песня имени» из книги А. Шевцова «Очищение. Том 3. Русская народная психология», а также несколько отрывков из бесед. В них рассказывается о Душевном пении и об основных условиях, когда такое пение становится возможным.

Песня имени²

Существуют разнообразные упражнения, позволяющие обучиться духовному и душевному пению. Но прежде надо сказать, что такое душевное пение.

Для русских вообще было свойственно оценивать пение как душевное или не душевное. Душевно поют – это лучшая оценка, какую можно услышать от действительно русского человека. Интеллигент склонен оценивать пение в соответствии с требованиями музыкальной грамоты, привитой ему академической школой пения, доставшейся нам в наследие от эпохи классицизма. То есть как раз от той поры, когда уверовавший в свой рациональный гений герой просвещения вознамерился проверить алгеброй гармонию.

Но даже интеллигент на Руси иногда забывает о своем биологическом предназначении нести западный прогресс в дремучую Россию, и из глубин его русской души вырывается: «Душевно поют!»

Народ вообще поет душевно. Но объяснить, что это такое, не может. И исследователи народного пения, фольклористы, сказать, из чего складывается ощущение душевности при пении, тоже не в состоянии. К тому же, они очень сильно болеют недостатком музыкального образования, как говорит-

² Из книги А. Шевцов «Очищение. Том 3. Русская народная психология». – Издательство «Роцца», 2015. С. 393

ся, комплексуяют из-за этого, и потому очень стараются говорить о народном пении консерваторски. И все доказывают, что они тоже могут считаться равными среди равных в среде академических певцов. В общем, решают все ту же задачу, как догнать и перегнать их прогресс.

Поэтому задача изучения нашего пения слегка отходит на второй план.

Во время своих поездок по офенским местам я познакомился с тем, как пели мазыки. К сожалению, петь я не умел, и сначала вообще не смотрел на их пение как на предмет изучения: не дано, так и нечего соваться! Но постепенно я понял, что даже меня пробирает желание петь вместе с ними.

Я несколько раз неуклюже попробовал подпевать, и вдруг заметил, что, как только я перестаю думать о том, что не умею петь, песня сама начинает петься как бы сквозь меня.

Иными словами, если я переставал осознавать себя как отдельную личность, их пение захватывало и начинало звучать во мне, будто тело пело само. И будто оно сильно истосковалось по чему-то подобному.

И когда один из стариков после такого удачного нашего совместного звучания сказал: «Душевно спелось», – я вдруг пронзительно осознал, что пела моя душа.

Вот тогда я впервые понял, что они не случайно называли это пение душевным: они действительно подразумевали, что поют души!

Вот эту мысль надо принять как исходную: если мы хотим

спеть душевно, надо петь душой. Это первое и безусловное правило, которое невозможно принять ни одному фольклористу, если он естественник и не чувствует своей души, веря в то, что есть только тело. Тело при этом звучит, звучит, как хорошая скрипка, и даже наслаждается этим, будто его ласкают, но поет душа!

Если на это удастся выйти, то все остальное уже просто. А остальным являются несколько простейших правил, хотя вернее было бы назвать их понятиями.

Например: душа поет не что-то «душевно-слащавое» и не «гуманистические марши зеленого движения», она поет то, что поется. А поется то, что болит. И это значит, что душа может петь кабацкие песни или воинские марши, или жестокие романсы, и это все будет душевно. И когда пьяная блатная братва сует в кабаке пачки денег опустившемуся ресторанному певцу с пропитым голосом и плохим слухом, – они благодарят его не за то, что он пел, а за то, что он пел душевно!

Душевно – это не красиво и не про несчастную любовь. Душевно – это так, чтобы душа отозвалась.

Второе правило: душевное пение – это не только пение. Это очищение. Бабушки, когда они еще не стали фольклорными звездами и поют для себя, запросто могут исполнять только ту часть песни, которая ложится им на душу. А про концовку могут просто сказать: «Та плохой конец, чего его петь?!» – И не уговоришь.

Точно так же они постоянно прерываются во время пения и что-то рассказывают или обсуждают. Все это страшно расстраивает собирателей, потому что им нужно записать песню целиком и без разрывов, чтобы она была записана так, как полагается.

Кем полагается, почему и для чего полагается?

Предполагаю, что это дурное наследие той поры собирательства, когда были записаны основные собрания песен еще в середине девятнадцатого века.

Этнограф тогда собирал песни, а не пытался понять свой народ. Поэтому он отсекал все лишнее. Потом пришла естественнонаучная революция, которая еще больше усилила эту тягу ученых-собрателей к стерилизации народной культуры. В итоге у нас имеются огромные собрания народных песен, но все это – лишь тексты. А советская фольклористика не заметила, какой ущерб нанесла своему делу, потому что с середины двадцатого века с наслаждением играла в модные по сию пору игры текстовых анализов.

Большого вреда русскому народоведению, чем увлечение наших ученых структурным анализом по Леви-Строссу и ему подобным, не нанесли даже откровенные враги России. Они анализировали и структурировали тексты, а душа народа забывала те песни, через которые себя выражала. И когда сейчас приезжаешь к когда-то знатным певуньям, они с трудом вспоминают «Летят утки, и три гуся...» Все остальное – советская эстрада.

Способность русского человека петь песню, то поя ее, то сказывая, – это важнейшая часть душевного очищения. Не возбраняется при этом и пропустить рюмочку, чтобы расслабить тело и забыться в пении. Хотя мазыки обходились без этого.

И последнее. Надо уметь заставить свое тело звучать именами.

Что такое имя? Кажется, это слово, которым прозывают человека, животное, иногда – вещь. А есть ли имя у камня или дерева? Откуда же ему взяться, если человек ему этого имени не давал? Да, верно. Но вот было время, когда Бог создал своего первого человека и поручил ему дать имена всему, что было создано. И Адам давал имена. И назвал камень камнем. Как он это узнал? И не можем ли мы повторить это деяние?

Это всего лишь допущение, но мне объясняли, что такое Песня имени, примерно такими словами. Человеку дана способность видеть вещи и существа и извлекать из небытия их имена. Не придумывать, а действительно извлекать. Для этого надо научиться звучать ими. Как этого достичь?

Для этого существовало искусство, уходящее корнями еще в скоморошью древность. Называлось оно гудошничанье. Скоморохов так и называли – гудошники. Наверное, потому, что они играли на гудках – древних русских скрипочках. Так объясняют исследователи. Но мне говорили, что гудеть – это свойство не гудка, а скомороха. И именно оно поз-

воляет извлекать имена.

О Духовном и Душевном пении

Пока вы изучаете только Душевное пение, то есть, как душа поет. Для русского человека понятие «душа поет» очень естественно. Значит, с него проще начинать, оно и ближе.

Такое пение называлось Сердечным и Душевным, а кроме этого было много других способов петь. И общее название было Духовное пение.

О Духовном пении

Духовное пение начинается с движения и общего дыхания. Песни становятся раздольными, мелодия немного плывет. Мы ее произвольно как бы размягчаем и удлинняем, поэтому все наши песни длиннее.

Иногда нам говорят, что это неправильно, не выдержали мелодию. А не было в народе понятия «мелодия» вообще. Что «музыка», что «мелодия» – иностранные слова. Слово «песня» было, «игра» было, «звучание».

Слова-то русские есть, а «мелодии» не было, поэтому никто не говорил о том, что есть «мелодия» какая-то. Поэтому никто не кричал, что мелодия нарушена. Какая мелодия? Душа поет!

О задаче Духовного пения

Жизнь должна кипеть, причем она должна бить ключами, как в котле. В котле ключей много разных, и они видны одновременно. Вот это и должно быть в песне. Песня должна быть молодильным котлом и бить ключами. А иначе говоря, вызывать отклик у разных струн души.

Струны души – это глубинные слои мышления, но они связаны напрямую со стихийными уровнями и с потребностями. И каждая на что-то завязана: на потребности или на стихию, от которой ты производишь.

Людам всегда очень нравится объединение со стихией. Когда мы чем-то любимся, мы говорим: «Красота!» Вот я открываю сейчас окошко.... Погляди, что за окошком? Красиво? Вот это стихия леса. Точно также мы любим водопады, солнце, ветер, небо, землю. В произведении искусства присутствует стихия цвета, стихия звука. А дальше мышление оформляется в определенные образы начальные, то есть начала, и от них уже разливаются струи.

Если воздействовать на эти струи мышления, они становятся струнами души. И начинают звенеть, как струны души. И тогда мы начинаем через них уходить в стихийный мир, то есть домой. Вот это и есть задача духовного пения.

О шагах освоения Духовного пения

...Вы даже не представляете, как все просто в науке духовного пения. Просто надо убрать всё неправильное. Всё, что останется – есть духовное пение. Ничего кроме очищения на самом деле не надо, чтобы научиться. Ну, ещё душа нужна, чтобы петь. Душой ты почувствуешь: что-то не так.

В общем, Духовное пение – это дисциплина исключительно курса самопознания. Ничего больше.

Сначала мы вышли на этнографичность звучания: говор, ещё что-то. При этом песня стала духовной, душевной. Правда, ещё не вошли в настоящее душевное пение. Но вы начинаете чувствовать.

Сейчас я делал *раскатывание*³ частично, а вы распелись голосово. Голосовое пение пошло, хоровое, как бабы на свадьбе поют. А вы уходите от этого, чтоб не затягивало в голосовое пение, чтоб раскатывало. До этого вы не слышали мой голос в песне, а теперь я его вывел, чтоб вы слышали, что я *сказываю*⁴, а вы поёте. Я сейчас сделал, как бабушки поют, чтобы показать, что такое «сказывать» в пении.

Я впервые вышел на душевное пение. Как только вы стали вести песню правильно, сказово, появилась возможность передать состояние души. Там же боль, там же грусть, печаль

³ Раскатывание – добавление силы в звучание. – Прим. сост.

⁴ Сказываю – см. Сказывание в пении. Обережье.

девичья. И только тогда вы мне позволили выйти на душевное пение.

Вы слышали возможность раскрыть голос, вы слышали возможность совместиться, вы слышали возможность выйти на этнографичность, на сказовость, вы слышали душевность.

Пусть мы не сделали так, как это можно сделать полностью. Нам это не важно, мы извлекли все уроки. Мы выходим на следующий урок – это пустынь, которое необходимо для пения: как создать пустоту, которая бы звучала, как впускать всей грудью.

Понятия и упражнения для освоения душевного пения

1. Умение слушать и слышать

Для того чтобы изучать звучание и то, как человек может через него проявляться, необходимо сначала научиться слушать и слышать. Слышать себя и слушать других.

На первый взгляд, «научиться» звучит странно, ведь каждый из нас считает, что слушать и слышать умеет.

Да, мы умеем слушать, но умеем делать это как-то – так, как нас научили.

В итоге, когда нам кажется, что мы слышим окружающий мир, на самом деле мы находимся в узком туннеле своего знания того, как нужно воспринимать окружающее. Если ты попробуешь завязать глаза на несколько часов, то поймёшь, насколько богаче звуками окружающий тебя мир, чем ты привык его ощущать.

В этом разделе – рассказ о способности слушать и слышать.

Умение слушать и слышать

Прежде всего, нужно научиться слышать себя. Но для этого надо научиться слушать или слышать вообще. Но уши же слушают?

Уши не слышат – уши воспринимают. Кстати, не звук. Звуча вообще нет во вселенной. Вселенная безмолвна и тиха. Это мы слышим то, как у нас дрожат барабанные перепонки, как дрожат кости черепа, а вселенная всего лишь наполнена дрожанием, наполнена вибрацией. Звуча-то там нет. Звуч – это то, как мы воспринимаем переданную волну, переданное дрожание.

Но не будем переусложнять, пусть это будет звуч, пусть мы слышим, раз это дрожание называется звучом и раз восприятие этого дрожания называется «*слышаньем*». Но тогда все должны понимать, что то, что мы называем звучом, и то, что мы называем *слышаньем*, – это то, как наш ум воспроизводит для нашего сознания воспринятое, как он переводит это в другие знаки. Там внутри мы слышим. Снаружи звуча нет. Снаружи есть нечто другое, что мы потом уже называем «услышанным звучом». Но до того как оно услышано, мы должны понимать – это не звуч.

И значит, когда мы говорим, что можно передать звуч до другого человека, у этого есть некая действительная физическая основа. Поскольку нет звуча, а есть передающиеся виб-

рации, так почему же ты вибрацию не можешь передать? Это как раз было бы неестественно, что ты не мог ее передать. И на барабанную перепонку мы вибрацию передаем.

Но вы же знаете, что мы ушами слышим искаженно. Когда вы потом слушаете себя в магнитофонной записи, вы с удивлением обнаруживаете: голос другой. Почему? Да потому, что мы никогда не слышим только ушами. Мы одновременно слышим всеми костями черепа. Они тоже воспринимают звук. И они как бы накладывают искажение или уточнение. Потому что это искажение по сравнению с тем, как ты считаешь, ты звучишь, по сравнению с магнитофонной записью. Но на самом-то деле, мы часть волн воспринимаем барабанными перепонками, а остальное, как бы оттенки смыслов, – добираем всем телом. Мы всегда слышим всем телом, как мы всегда им дышим.

Значит, это очень естественно – передать звучание другому человеку. Я говорю об этом только затем, чтобы развалить в вашем понимании когда-то единый образ звучания на две части: то, что ты услышишь как звук, нужно только для того, чтобы понять смысл.

А вот для того, чтобы научиться слышать, нужно понять, что надо не ушами слушать.

Потому что когда ты начинаешь слушать ушами, ты произвольно начинаешь, условно говоря, дослушивать или додумывать это головой. Потому что у тебя это слепоно через понимание речи – выискивание смысла. А здесь ты

должен отключиться от своих мыслей о том, что же там произносится, или о том, как правильно выдержать мелодию.

Не было в русском языке слова «мелодия», как не было «музыка» или «танец». Это привнесённые слова. Значит, и не отслеживали мелодии. Душа пела. Она не мелодию отслеживает, она поёт. Так вот вы же по знанию своему, как надо правильно петь, начнёте ещё отслеживать мелодию, вместо того, чтобы слышать звучание.

Вы можете телами сидеть неподвижно, а Душа ваша будет всё равно делать именно это: она будет входить туда, где человек увидел эту мифологему, вернее, где его Душа зазвучала.

Где душа может зазвучать по-настоящему, так, чтобы это было слышно? В пространстве. Если нет пространства – не звучит. Как только человек увидел, у него душа раскрылась, и он туда рвётся, она запела. На самом деле, это началось душевное движение.

Душа туда полетела, если вы вдумаетесь. Мы сразу видим её в этом звуке, как кажется. На самом деле, в этом перемещении по звучанию, по вибрации, по мировой дрожи.

Потому что древо мировое дрожит. Это движение. Корни у него подгрызаются. Но оно должно стоять до тех пор, пока оно может стоять. И это мировое напряжение мы чувствуем, когда дрожит земля, когда она взрывается. Когда наши детишки на дискотеках дрожат, показывая, что вот в этих местах напряжение мирового древа стало невероятно. Его на-

до снять, забрать на себя, и тем вылечить этот мир от того, чтобы он не взорвался раньше времени.

Тонкое правит грубым. Чем тоньше ты видишь звук, тем тоньше ты видишь мир. Чем тоньше ты видишь силу, тем тебе легче на неё воздействовать. Чем тоньше ты видишь движение, тем ты живее...

О зыке

Если вспомните «Слово о полку Игореве», там одно из племён наших «криком поля преградиша»... Там как будто целая вселенная: всюду огромные пространства.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.